

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Шляхтин Н.Д. Аналитическая философия права в цивилистическом процессе: как совершать действия при помощи слов // Философия и культура. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.4.73318 EDN: ATWWNS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73318

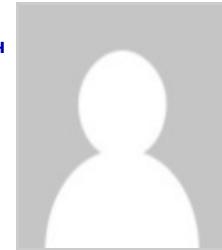
Аналитическая философия права в цивилистическом процессе: как совершать действия при помощи слов

Шляхтин Никита Дмитриевич

ведущий специалист; отдел правовой защиты; ПАО "МОЭК"

119311, Россия, г. Москва, ул. Строителей, д. 6 к. 3, кв. 23

✉ nik.shliakhtin@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия языка и общения"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.4.73318

EDN:

ATWWNS

Дата направления статьи в редакцию:

10-02-2025

Аннотация: Предметом исследования является судебный процесс Российской Федерации. Автором рассматривается судебная процедура как коммуникативная модель, функционирующая по принципу запрос-ответ. Внутри коммуникативной модели действуют определенные правила контекста, а также правила совершения действий сторонами и их непосредственными представителями. Такие действия сторонами совершаются при помощи слов, имеющих определенную форму и находящих свое отражение в материалах дела. Анализ речевых актов, как письменных, так и устных, позволил Автору именовать отдельные юридические факты согласно классификации, предложенной Г.Л.А. Хартом. Используемые для филологического анализа речевые акты являются повсеместной формой действия в своих интересах или в интересах доверителя в судебном процессе. Применение коммуникативной теории права позволило найти метод изменения динамики судебного процесса. Методологией проведения работы является филологический анализ речевых актов, используемых сторонами в судебном процессе, а также сопоставление результата речевого акта с материальным следом-отражением в процессуальных документах судебного дела. Результатом работы является подтверждение преобладание

принципа устности судебного процесса над принципом письменности, что выражается в особом положении аудиопротокола как следа процессуальных действий при помощи слов. Областью применения результатов исследования является судебная система Российской Федерации, как коммуникативная система запросов-ответов на разрешение конфликта. Новизна исследования выражается в применении филологического и философского анализа к коммуникативной системе разрешения споров, что позволяет сделать вывод о непосредственном воздействии во время судебного процесса сторон на судью и изменении динамики судебного процесса посредством совершения действий при помощи слов. Автор приходит к заключению, что каждое из определенных типов речевого воздействия будет являться самостоятельным юридическим фактом, а необходимой формой их фиксации является аудиопротоколирование судебного заседания.

Ключевые слова:

Гражданский процесс, арбитражный процесс, коммуникативная теория права, аналитическая философия права, философия языка, речевой акт, процессуальный юридический факт, дескрептивные понятия, аскрептивные понятия, иллокутивная сила

Цивилистический процесс основан на сочетании письменного и устного производства по делу. Самостоятельное закрепление данные принципы получают только после принятия Устава гражданского судопроизводства 1864 года. В современном виде принцип устности закреплен в статье 157 Гражданского-процессуального кодекса Российской Федерации с более подробным изложением в редакции статьи 81 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о возможности стороны представлять арбитражному суду свои объяснения об известных ему обстоятельствах, имеющих значение для дела, в письменной или устной форме.

Овчаренко А.В. указывал, что в цивилистическом процессе данные принципы раскрываются в двух самостоятельных элементах, а именно в самой форме процесса и в системе правил доказывания. [\[1, С. 13\]](#) Процесс по своей природе является сложным процессуальным фактом с последовательным накоплением элементов. [\[2, С. 224\]](#) Правила доказывания имеют своей целью установить допустимые способы убеждения. Доказывание осуществляется перед судом, преследуя цель подтверждения права во властном общеобязательном акте. [\[3, С. 34\]](#) Властный общеобязательный акт, в свою очередь, является последним элементом сложного процессуального факта.

Основной сложностью данного исследования является, как верно заметил Людвиг Витгенштейн, невозможность выразить посредством языка то, что выражает себя в языке. [\[4, С. 76\]](#) Таким образом, методология исследования скорее интуитивно-научная, имеющая своей целью расширить дискурс вокруг коммуникативной теории права применительно к цивилистическому процессу, нежели дать конкретный вывод о том, каким же образом совершаются правовые действия посредством слов. Вместе с тем определенный результат достигнут не только при помощи лингвистического анализа права, но и за счет смыслового анализа тех действий, которые мы совершаем при помощи слов, в том числе в ходе судебного процесса.

Основополагающим базисом исследования является протокол судебного заседания, в котором фиксируется след того механизма, который аналитическая философия называет

"действия при помощи слов". Особенno интересным представляется то обстоятельство, что никак иначе, кроме как с помощью такого механизма, нельзя представить динамику судебного процесса. В процессе формирования отдельного процессуального факта воля лица, участвующего в деле, как бы отпечатывается в материалах дела, что особенно важно для последующего исторического анализа мотивов лиц и обстоятельств, в которых они действовали.

Классическим примером классификации видов юридических фактов является система, предложенная О.А. Красавчиковым. В основе классификации лежит волевой критерий. Все юридические факты в зависимости от наличия в них проявления воли распадаются на две основные группы: юридические события и юридические действия. [\[5, С. 82\]](#)

Применительно к цивилистическому процессу Е.В. Васьковским и Е.Г. Лукьяновым высказывается мнение, что процессуальное действие само по себе не может образовать процессуального юридического факта. Возможен лишь фактический состав, в частности, процессуальное действие и процессуальный ответ суда на такое действие и будут образовывать процессуальный факт. П.Ф. Елисейкин считает, что не просто ответ суда на действие, а именно санкционирование (одобрение) суда процессуального действия стороны влечет к появлению процессуального юридического факта. [\[6, С. 48\]](#)

Из тезиса П.Ф. Елисейкина можно сделать вывод, что все процессуальные факты должны находить свое отражение в судебных документах – протоколах, определениях и решениях.

Основываясь на кратком введении в теорию процессуальных юридических фактов как теоретической модели, было бы разумным перейти к рассмотрению практической стороны процесса, а именно к вопросу, каким именно образом процессуальные юридические факты изменяют динамику процесса. На первый взгляд может показаться, что для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к стенограмме судебного процесса и соотнести волеизъявления судьи в части судебного руководства конкретным процессом с процессуальными документами сторон и суда. Безусловно, это самый очевидный способ, который, тем не менее требует некоторой глубины изучения вопроса.

Как мы сказали выше – процессуальный юридический факт обличается в форму определений суда, но причиной такого вывода суда о необходимости перевести процесс в следующую стадию (далее не обязательно пойдет речь о стадиях судебного процесса, закрепленных в процессуальных кодексах, например, определение о проведении судебной экспертизы также подходит под заданные нами критерии) является в соответствии с принципами состязательности и диспозитивности либо волеизъявление лиц, участвующих в деле, либо процессуальный юридический факт с последующим накоплением элементов – проще говоря, когда сам смысл процесса подводит судью к принятию определенного решения, например об окончании стадии исследования доказательств и переходе к прениям сторон.

Таким образом, волеизъявление может быть устным, либо письменным, вместе с тем по требованиям процессуальных кодексов оно должно иметь форму ходатайства, либо процессуального документа, содержащего позицию стороны касательно определенного вопроса.

Ходатайство выражает конкретное волеизъявление, касаемое сугубо процессуальной части стороны судебного разбирательства, в то время как процессуальный документ, содержащий позицию стороны в своей просительной части, выражает волеизъявление

на решение материального вопроса, хотя в самых общих чертах может выступать предпосылкой в части заявления ходатайства.

Ходатайство либо позиция стороны, выраженная в процессуальном документе, всегда имеют форму запроса, на который должен последовать ответ суда. Как на разрешение ходатайства судом выносится определение, так и анализ позиции стороны должен присутствовать в судебном решении – суд не может оставить без внимания доводы лиц, участвующих в деле. Исключение составляет только обычай, который не закреплен в процессуальном кодексе – возможность оставить вопрос рассмотрения ходатайства открытым. Такая ловкость суда может дать время судье принять правильное решение относительно ходатайства, особенно в ситуации, когда не все обстоятельства дела известны. Тем не менее в конце концов судья должен разрешить ходатайство.

Ситуация, когда запрос не имеет формы, а вызван «необходимостью процесса», оставляет больше возможностей для дискуссий. Можно сказать, что запроса в данном случае вообще нет, так как нет адресанта. Следовательно, и коммуникация на данном этапе односторонняя – от суда к сторонам, в императивной форме. «Необходимость процесса» – эта последний элемент юридического состава с последовательным накоплением элементов, в котором перечень элементов остается открытым. Судья сам принимает решение, основываясь на собственном убеждении о правильности ведения процесса при рассмотрении того или иного дела.

Как это часто бывает в ситуациях межличностного взаимодействия, судя может разрешить запрос со стороны лица, участвующего в деле, основываясь не только на рациональном подходе, но и на эмоциональном. Предсказать реакцию судьи на запрос очень сложно, так как ситуация, когда стороны единогласны в вопросе о следующем этапе процесса, довольно редкая. Адресант должен точно определить место и смысл сообщения суду, чтобы добиться результата.

Так как большинство ходатайств заявляется в середине процесса – у судьи нет времени, чтобы ознакомиться с процессуальным документом, и принимать решение он будет исходя из обстановки. Тем не менее это не значит, что запрос не должен оставить след на бумаге – эта обязанность стороны, и в ее интересах предоставить суду документ для того, чтобы в дальнейшем данный процессуальный юридический факт нашел свое отражение в судебном решении.

Логика судебного процесса построена таким образом, что в начале каждого судебного заседания судья спрашивает о необходимости разрешить ходатайства сторон, препятствующих рассмотрению дела. Поэтому вместе с коротким запросом на судебное руководство сторона должна изложить причины и обстоятельства, которые послужили основой заявления ходатайства. В этой связи будет очень выгодно смотреться «пул» документов, которые хоть и имеют различные основания (например, ходатайство и отзыв на иск), тем не менее будут связаны единой смысловой линией. Сторона должна убедить суд, что именно такой должна быть следующая стадия судебного процесса. Можно сказать, что юридический факт, который представляет собой документ, является проектом решения суда в части судебного руководства.

Как и в классической теории аргументации, запрос суду лучше всего представить в виде:

1. Тезиса (утверждение, истинность или приемлемость которого требуется обосновать);
2. Аргумента (утверждения, которые используются в качестве доводов для достижения

согласия с предлагаемой точкой зрения);

3. Демонстрации (способ связи аргументов и доказываемого тезиса). [\[7, С. 27\]](#)

Особое значение имеет красноречие адресата – ораторское искусство очень ценится среди судебных юристов, так как все виды процессов, за исключением производства в упрощенном порядке, имеют устную форму доклада.

В теории философии языка имеется раздел, разрабатываемый Л. Витгенштейном, Дж. Остин, Дж. Серлем и Г.Л.А. Хартом в середине-конце прошлого столетия. Л. Витгенштейн в своих ранних работах замечал, что слова, в частности имена, обозначают реальные вещи окружающего нас мира. Эти имена не могут быть уничтожены, даже если объект, который был в реальном мире, перестал существовать. Например, мы знаем, что у нас в комнате растет цветок, мы можем его так и называть «цветок», можем назвать его «Цветок Виталий», но если он погибнет, то в мире слов, мыслей и образов все равно останется конкретный цветок или «Цветок Виталий». Таким образом, заключал Л. Витгенштейн, «объекты образуют субстанцию мира», а сама субстанция «есть то, что существует независимо от того, что имеет место быть». [\[8, С. 2.021, 2.024\]](#)

Позднее, для юридического дискурса, Г.Л.А. Харт назовет слова, которые обозначают объект реального мира, например, цветок – дескриптивными, а слова, которые не имеют «привязки» к физическому миру бытия – недескриптивными (аскрептивными). Например, цветок – дескриптивное понятие, а добросовестность – аскрептивное. В.В. Оглензев в своей исследовательской работе по аналитической философии права пишет про недескриптивные (аскрептивные) понятия следующее: «следовательно, недескриптивный термин должен пониматься не как термин, ничего не обозначающий, а как термин, использующий нестандартный тип обозначения по отношению к обычному и общепринятым способам задания семантики слов. Обычный, то есть дескриптивный, или, в более узком смысле, эмпирический термин предполагает семантическую связь между термином и объектом, на который он ссылается, в виде «окулярной», «зеркальной» или «картинной» метафоры. Термин описывает, отражает, формирует ментальный образ предмета или процесса, о котором он говорит». [\[9, С. 126\]](#)

Таким образом, с точки зрения философии языка существует обоснование деления юридических фактов на сами материальные факты (события или явления, с которыми норма права связывает появление, изменение или прекращение материального правоотношения) и обстоятельства, имеющее значение для дела, с которыми норма права хоть и связывает динамику материального правоотношения, тем не менее такие обстоятельства имеют только ментальный образ предмета или процесса, который нигде не может быть зафиксирован для последующего использования в гражданском и арбитражном процессах. Примерами обстоятельств, имеющих значение для дела, являются добросовестность, введение в заблуждение, порочное экспертное заключение, объект, создающий угрозу жизни и здоровью граждан, и т.п.

Г.Л.А. Харт, который вслед за И. Бентамом подвергает сомнению эффективность применения традиционного метода определения посредством *per genus et differentiam* таких юридических понятий, как «объективное право», «субъективное право», «ответственность», «государство» и т.д. Несмотря на известность общего употребления этих слов оно непонятно, потому что в сравнении с большинством обычных слов эти юридические термины в различных отношениях считаются «аномальными». Попытки определить эти термины показывают, что они не имеют прямой связи с фактуальными аналогами, которая есть у большинства обычных слов, для определения которых мы

обращаемся к этой связи. [\[10, С. 535-558\]](#)

При этом нужно учитывать, что язык как форма общения является средством коммуникации и возможен только в человеческом социуме. Вместе с тем используемые в юриспруденции термины, структура и форма позволяют отнести юридический язык к особой категории, так как каждое слово в юридическом дискурсе имеет прочную связь либо с материальным, либо с процессуальным фактом. Можно сказать, что юридический язык создан для того, чтобы как можно более точно описать события и явления, не придавая им какую-либо эмоциональную окраску. Этим юридический язык вызывает как скуку, так и уважение, но право, как искусство доброго и справедливого («*Jus est ars boni et aequi*» – древнеримский юрист Цельс), не имеет возможности принимать решения посредством эмоций. Тем не менее можно принимать решения и действовать посредством слов.

Если мы вернемся к гражданскому процессу, то следует обратить внимание на изменение процессуального статуса посредством точно описанных в практике, почти сакральных выражений. «Мы заявляем ходатайство о привлечении А в качестве ответчика», «Суд своим определением назначает экспертизу в экспертной организации Б», «Суд переходит к исследованию доказательств».

В протоколе судебного заседания каждая такая формулировка будет означать самостоятельный процессуальный юридический факт, который изменил динамику процесса в ту или иную сторону. Грамотный судебный юрист всегда имеет стратегию ведения дела, которую стремится реализовать в судебном заседании. Стратегия имеет формой выражения процессуальные документы и устный доклад суду посредством реализации принципа диспозитивности. Совершение или несовершение каких-либо процессуальных действий – зона ответственности стороны. Устанавливая процессуальные правила, Гражданский процессуальный кодекс и Арбитражный процессуальный кодекс создают контекст, в рамках которого толкуют речь сторон. Сложно представить себе ситуацию, когда при покупке мороженного в ларьке мальчик заявит продавцу: «заявляю ходатайство о возложении расходов на покупку мороженного на своего отца». Тем не менее фраза о возложении расходов на проведение судебной экспертизы на какую-либо сторону понимается юристами как самая простая и очевидная фраза в ходе процесса.

Таким образом, «в основании любого правила лежит идея повиновения или следования ему». [\[11, С. 84\]](#). Г.Л.А. Харт критиковал модель принуждающих приказов суверена, указывая на необходимость наличия «правила признания», согласно которому «везде, где принимается такое правило признания, и частные, и официальные лица получают надежный критерий для идентификации первичных правил обязанности» [\[12, С. 63\]](#). Как было изложено в предыдущих параграфах – право признания есть коммуникация между государством и гражданами, посредством которой легитимируется закон.

Тем не менее Г.Л.А. Харт различает ситуацию «приказа» со стороны государства посредством издания закона и ситуацию, когда приказ отдается грабителем. Г.Л.А. Харт описывает ситуацию с грабителем, который под угрозой жизни приказывает некому гражданину передать ему сумку, замечая, что «приказ людям делать какие-то вещи – это форма коммуникации, и она действительно предполагает «обращение» к ним, то есть привлечение их внимания или принятие шагов, чтобы привлечь его, но принятие законов для людей этого не делает». Далее ученый пишет: «Что обычно имеется в виду теми, кто говорит о том, что законы «обращены» к определенным лицам, – так это то,

что существуют лица, к которым отдельный закон применяется, то есть от кого он требует вести себя определенным образом. Если мы используем здесь слово «обращен», нам, может, не удастся заметить важную разницу между принятием закона и отдачей персонального приказа, а также мы можем спутать два различных вопроса: «К кому этот закон применяется?» и «Кому он был оглашен?». [\[13, С.15-16\]](#)

На наш взгляд данное противоречие снимается установленной Федеральным законом от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» обязанностью публиковать федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания с их последующим вступлением в силу по истечении десяти дней после дня их официального опубликования, если самими законами или актами палат не установлен другой порядок вступления их в силу.

Для нас важен иной аспект размышлений Г.Л.А. Харта, в частности, что в приказе грабителя нет «правила признания» со стороны общества, такой приказ осуждается, так как нарушает право собственности лица, которому принадлежит сумка, а также потенциально создает угрозу жизни и здоровью гражданина. В свою очередь, законы легитимны в той части, в которой они признаются обществом как социально-оправданные ограничения личности.

Создавая правила коммуникации в суде, закон также устанавливает контекст с учетом особенностей каждого конкретного дела. Было бы как минимум неразумным в делах о деликтах докладывать суду про неосновательное обогащение, следовательно, контекстом в самой общей форме можно назвать: 1) процессуальные правила; 2) предмет и основание иска.

Дж. Серль замечает, что «одни правила регулируют формы поведения, которые существовали до них, например, правила этикета регулируют межличностные отношения, но эти отношения существуют независимо от правил этикета. Другие же правила не просто регулируют, но создают и определяют новые формы поведения. Футбольные правила, например, не просто регулируют игру в футбол, но, так сказать, создают саму возможность такой деятельности или определяют ее». [\[14, С. 58\]](#)

Данную мысль впоследствии развивает Г.Л.А. Харт, приводя в пример игру в шахматы, заявляя, что для детей, не знающих правила игры в шахматы, такая игра будет казаться просто произвольным перемещением фигур по шахматной доске. Таким образом, ребенок, который произвольно передвигает фигуру – в принципе не делает ход.

Далее мы постараемся разобраться, как стороны делают свой «ход» в судебном процессе.

Дж. Серль сосредоточил свое внимание на значении речевого акта. Сам речевой акт состоит из трех уровней:

1. Иллокутивный акт – это действие, которое мы совершаем посредством произнесения некоторой фразы (мы можем убеждать кого-то, просить, обвинять, наставлять);
2. Локутивный акт – само по себе произнесения некоторых звуков или записи некоторых значков на бумаге;
3. Перлокутивный акт – воздействия нашего высказывания на действия, мысли или эмоции слушающих (наше высказывание может убедить/не убедить собеседника, заставить его сделать что-то либо, вызвать у него раздражение или

скуку и т. п.). [\[15, С. 79\]](#)

Таким образом, иллокутивный акт – это намерение по достижению результата, который можно представить в формуле «Х считается Y». Таким образом, заявляя ходатайство об экспертизе, мы подразумеваем «пусть суд посчитает данное ходатайство основанием для перехода судебного процесса в стадию экспертного исследования». Посредством заявления ходатайства сторона пытается оказать воздействие на адресата речевого акта – суд.

Далее Дж. Серль указывает на необходимую часть иллокутивного акта – конвенцию или «условие искренности». Суть заключается в отсутствии внутреннего и внешнего противоречия между тем, что человек думает, и тем, что человек заявляет адресанту. Нельзя сказать «я заявляю ходатайство о назначении экспертизы, но я соврал».

Кроме контекста и искренности необходима еще одна часть иллокутивного акта – форма. Юриспруденция как наука, искусство и ремесло очень формализирована и требует, чтобы в нужное время и в нужном месте произносились нужные слова. В частности, выходя из совещательной комнаты судья начинает оглашать решение по делу со слов «именем Российской Федерации оглашается решение по делу...», без которых решение не будет иметь силу, в тоже время пропуск стадии разъяснения прав сторонам перед началом судебного процесса в установленной процессуальным кодексом форме будет являться нарушением порядка проведения судебного заседания и в некоторых особо щепетильных случаях – основанием для отмены судебного решения (статья 165 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). Согласно пункту 2 статьи 154 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса обращаются к арбитражному суду со словами: «Уважаемый суд!». Свои объяснения и показания суду, вопросы другим лицам, участвующим в деле, ответы на вопросы они дают стоя. Отступление от этого правила может быть допущено только с разрешения суда.

Дж. Серль выделял следующие классы иллокутивных речевых актов:

- Репрезентативы – возлагают ответственность на адресанта за истинность речевого акта (например, клятва);
- Директивы – направлены на адресата с целью побудить последнего сделать что-либо (например, просить);
- Комиссивы – возлагают ответственность на адресанта следовать определенной линии поведения (например, «мы будем ходатайствовать об отложении судебного заседания для ознакомления с позицией ответчика»);
- Экспрессивы – описывают психологическое отношение адресанта к адресату (например, благодарить);
- Декларации – речевой акт закрепляет положение дел (например, «исковые требования – удовлетворить»).

В гражданском и арбитражном процессах примером репрезентативов будет являться подпись эксперта об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, директивом будет являться ходатайство стороны, комиссивом – высказанное намерение стороны следовать какой-либо линии поведения, экспрессивом – приветствие судьи и его секретаря, либо благодарность суду перед удалением из зала судебного заседания, декларацией будет являться любое решение суда по конкретному вопросу.

В свою очередь, Дж. Остин выделяет следующие пять групп глаголов в соответствии с их иллокутивной силой:

- Вердиктивы – реализация оценочного суждения (например, «исковые требования – признаем в части...», «эксперт оценивает ущерб в размере ...»);
- Экзерситивы – проявление влияния или осуществление власти (например, «размер ущерба подтверждается экспертым заключением»);
- Комиссивы – принятие обязательства или заявление о намерении (например, подписка эксперта об ответственности за дачу ложных показаний);
- Бехабитивы – выражение отношения (например, «показаниям свидетеля не доверяем ввиду наличия заинтересованности в исходе дела»);
- Экспозитивы – разъяснение оснований, аргументов и сообщений (например, «решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права»). [\[16, С. 120\]](#)

Еще одним важным аспектом, на который обратил внимание Г.Л.А. Харт является отменяемость юридических понятий. К примеру, мы заявляем, что право собственности на автомобиль принадлежит А. Данный речевой акт является высказыванием о факте. Тем не менее подтвержденное надлежащими доказательствами, данное высказывание о факте переместится в область права, и тогда это уже будет высказывание о праве. Если доказательства права собственности А на автомобиль в суд не будут представлены или будут опровергнуты другой стороной, тогда произойдет «отмена» утверждения – право собственности на автомобиль суд признает за лицом Б.

Приведенный пример с автомобилем является примером констатива (утверждения), по мнению Дж. Остина. В свою очередь, динамика гражданского процесса происходит посредством перформативов, которые не могут быть «отменены». «Произнося перформативное высказывание, мы всегда осуществляем некоторый акт, или, что то же самое, выполняем некоторое действие, которое, видимо, едва ли смогли бы выполнить каким-то другим способом, по крайней мере с той же точностью». [\[17, С. 23\]](#)

Таким образом, процессуальные юридические факты возникают посредством перформативов, отличительные особенности которых мы приводили выше. Вспомним их:

контекст судебного процесса, состоящий из процессуальных норм, предмета и основания иска;

условие искренности адресанта;

власть или полномочие адресанта на изменение процессуального правоотношения;

перформативы, применительно к гражданскому и арбитражному процессам, не могут быть «отменены».

Следует рассмотреть еще одно важное и последнее качество перформативов в цивилистическом процессе, которое следует из «неотменяемости» данного речевого акта. В литературе приводится классический пример перформатива: капитан корабля на палубе разбивает бутылку шампанского и объявляет «Нарекаю тебя «Стремительный!». Условия контекста, искренности, власти – соблюdenы. Тем не менее Мельников А.А. обратил внимание на следующее обстоятельство: «если человек с шампанским назвал судно одним именем (допустим, оговорился, подшутил или издал невнятный звук), а в документах оно пошло под другим, это не отменит того, как судно зафиксировано в документах. То есть в высказывании парня с шампанским не содержится общезначимого именования корабля, связь между высказыванием и именованием в итоге случайна». [\[18\]](#)

[С. 299\]](#)

Рассмотрим эту ситуацию применительно к судебному процессу – каким образом законодатель обеспечил ответственность лица или его представителя за «действия посредством слов»?

Прежде всего следует обратиться к теме важности аудиопротокола при ведении процесса. Такая технология позволяет точно соотнести действия, которые произошли в ходе судебного заседания, с теми последствиями, которые они произвели.

Согласно статье 155 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в ходе каждого судебного заседания арбитражного суда первой инстанции, а также при совершении отдельных процессуальных действий вне судебного заседания ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи и составляется протокол в письменной форме. При этом важно отметить приоритет аудиопротокола, так как письменный протокол является дополнительным средством фиксирования данных процесса, в том числе устных заявлений, ходатайств лиц, участвующих в деле, консультаций специалистов, соглашений сторон по фактическим обстоятельствам дела, заявленным требованиям и возражениям.

Аналогичное регулирование установлено в Главе 21 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, за исключением приоритета аудиопротокола. Таким образом, проблема, поставленная Мельниковым А.А. решается с помощью восприятия речи сторон в ходе судебного заседания посредством последующего прослушивания аудиопротокола.

Подводя итоги настоящему исследованию, следует отметить, что используемые в ходе коммуникации виды речевых актов возможны только при соблюдении определенного контекста и ритуала. Сама коммуникация является собой оперирование образами объектов с помощью дескрептивных и недескрептивных понятий. Но так как сама коммуникация по своей сути - "виртуальна", то не имеет значения, какими понятиями (дескрептивными или недескрептивными) пользуется лицо, участвующее в деле, в ходе судебного заседания. Само образное поле, в котором посредством речевых актов передается информация, возможно только в условиях выбора лица, осуществляющего коммуникацию. Можно сказать, что право как таковое вторично по отношению к вариативности событий, вместе с тем на примере судебного процесса мы показали, каким образом потенциальная вариативность событий становится судебной реальностью посредством действий при помощи слов. Следует учитывать, что слова являются отражением мысли, имеющим смысл, и именно в момент формирования нагруженной смыслом мысли формируется личностное право человека на ее выражение посредством речевого акта, который, в свою очередь, приводит к изменению реальности согласно такой мысли.

Библиография

1. Овчаренко А. В. Сочетание принципов устности и письменности в гражданском и арбитражном процессах: автореферат дис. ... канд. юр. наук: 12.00.15. Саратов: Сарат. гос. юрид. акад., 2013. С. 13. EDN: ZPCQXN.
2. Шляхтин Н. Д. О содержании процессуального правоотношения в контексте коммуникативного подхода // Образование и право. 2024. № 11. С. 224. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-11-222-226 EDN: CYGQMI.
3. Амосов С. М. Судебное познание в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.15. М., 2004. С. 34. EDN: NHXCLX.
4. Витгентштейн Л. Логико-философский трактат // Витгентштейн Л. Избранные работы /

- пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом "Территория будущего", 2005. С. 76.
5. Красавчиков О. А. Юридические факты в гражданском праве. М., 1958. С. 82.
6. Елисейкин П. Ф. Предмет и принципы советского гражданского процессуального права. Ярославль, 1974. С. 48.
7. Тульчинский Г. Л. Логика и теория аргументации: учебник для академического бакалавриата. М., 2016. С. 27.
8. Витгентштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Избранные работы. С. 38.
9. Оглезнев В. В. Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск, 2012. С. 126. EDN: QSTQBJ.
10. Simpson A. W. B. The Analysis of Legal Concepts // Law Quarterly Review. 1965. Vol. 80. P. 535-558.
11. Оглезнев В. В. Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск, 2012. С. 84. EDN: QSTQBJ.
12. Харт Г. Понятие права. СПб., 2007. С. 63.
13. Харт Г. Понятие права. СПб., 2007. С. 15-16.
14. Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Серл. М., 2010. С. 58.
15. Рябинская Н. С. Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 79. EDN: PZQKYT.
16. Остин Дж. Л. Как совершать действие при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М., 1999. С. 120.
17. Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Серл. М., 2010. С. 23.
18. Мельников А. А. К проблемам применимости теории речевых актов в дискуссиях о свободе слова: о некоторых примерах Джона Остина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 3. С. 299. DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-289-312 EDN: QMVKJJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, аналитическая философия права в цивилистическом процессе. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не обосновывается. Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, с точки зрения философии языка существует обоснование деления юридических фактов на сами материальные факты (события или явления, с которыми норма права связывает появление, изменение или прекращение материального правоотношения) и обстоятельства, имеющие значение для дела, с которыми норма права хоть и связывает динамику материального правоотношения, тем не менее такие обстоятельства имеют только ментальный образ предмета или процесса, который нигде не может быть зафиксирован для последующего использования в гражданском и арбитражном процессах. Примерами обстоятельств, имеющих значение для дела, являются

добросовестность, введение в заблуждение, порочное экспертное заключение, объект, создающий угрозу жизни и здоровью граждан и т.п.>"; "Таким образом, процессуальные юридические факты возникают посредством перформативов, отличительные особенности которых мы приводили выше. Вспомним их: 1. контекст судебного процесса, состоящий из процессуальных норм и предмета и основания иска; 2. условие искренности адресанта; 3. власть или полномочие адресанта на изменение процессуального правоотношения; 4. перформативы, применительно к гражданскому и арбитражному процессам, не могут быть «отменены» и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы не вполне логична. Вводная часть статьи отсутствует. В основной части работы автор обосновывает применение аналитической философии права в цивилистическом процессе, выясняя, каким образом процессуальные юридические факты изменяют динамику процесса. Заключительная часть статьи отсутствует.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Применительно к цивилистическому процессу, Е.В. Васьковским и Е.Г. Лукьяновым, высказывается мнение, что процессуальное действие само по себе не может образовать процессуального юридического факта" - "Применительно к цивилистическому процессу Е.В. Васьковским и Е.Г. Лукьяновым высказывается мнение, что процессуальное действие само по себе не может образовать процессуального юридического факта" (см. на пунктуацию).

Ученый отмечает: "Основываясь на кратком введении в теорию процессуальных юридических фактах, как теоретической модели, было бы разумным перейти к рассмотрения практической стороне процесса, а именно к вопросу каким именно образом процессуальные юридические факты изменяют динамику процесса" - "Основываясь на кратком введении в теорию процессуальных юридических фактов как теоретической модели, было бы разумным перейти к рассмотрению практической стороны процесса, а именно к вопросу, каким именно образом процессуальные юридические факты изменяют динамику процесса" (см. на согласование слов).

Автор указывает: "Таким образом волеизъявление может быть устным, либо письменным, но по требованиям процессуальных кодексов должно иметь форму ходатайства, либо процессуального документа, содержащего позицию стороны касательно определенного вопроса" - "Таким образом, волеизъявление может быть устным либо письменным, но по требованиям процессуальных кодексов должно иметь форму ходатайства либо процессуального документа, содержащего позицию стороны относительно определенного вопроса" (см. на пунктуацию и стилистику).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Инициалы ученого в тексте статьи ставятся перед его фамилией.

Библиография исследования представлена 11 источниками (монографиями, научными статьями, учебником), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Е.В. Васьковский, Е.Г. Лукьянов и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы должным образом и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования отсутствуют.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере философии права, теории государства и права, гражданского процесса, арбитражного процесса при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, обосновании актуальности его темы, уточнении структуры работы, формулировании четких и конкретных выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена научная статья на тему: «Аналитическая философия права в цивилистическом процессе: как совершать действия при помощи слов» для опубликования в журнале «Философия и культура».

Статья посвящена анализу роли речевых актов в цивилистическом процессе с позиций аналитической философии права. Автор исследует, как слова и языковые конструкции влияют на динамику судебного разбирательства, формирование процессуальных фактов и принятие решений. Особое внимание уделяется связи между лингвистическими теориями (Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Серль, Г.Л.А. Харт) и практикой судопроизводства.

Исследование сочетает методы: лингвистического анализа - изучение речевых актов (иллокутивных, перформативных) и их роли в праве; сравнительно-правового анализа - сопоставление норм ГПК и АПК РФ; теоретико-философского подхода - интерпретация юридических фактов через призму философии языка; практического анализа - разбор примеров из судебной практики (протоколы, ходатайства). Методология носит междисциплинарный характер, что позволило автору раскрыть тему комплексно.

Тема статьи является актуальной ввиду роста интереса к коммуникативным аспектам права в условиях цифровизации судопроизводства, необходимости четкого понимания языковых конструкций для минимизации судебных ошибок, развития теорий речевых актов в юриспруденции, особенно в контексте процессуальных кодексов. Работа заполняет пробел между абстрактными философскими концепциями и их прикладным применением в праве.

Новизна проявляется в следующих аспектах. Автором произведен синтез идей аналитической философии права и цивилистического процесса. Осуществлена авторская классификация речевых актов в судопроизводстве (на примерах ходатайств, решений суда). Произведен анализ «недескриптивных» юридических понятий (доброповестность, угроза жизни) через призму философии языка. Сделаны практические выводы о значении аудиопротоколов для фиксации перформативных высказываний.

Стиль, структура, содержание соответствуют требованиям, предъявляемым к научным трудам и указаниям издания, в котором автор намеревается опубликовать статью. Стиль - академический, но доступный для юристов и философов. Ясность изложения компенсирует сложность темы. Структура статьи логична, в ней прослеживается изложение материала от теоретических основ к практическим примерам. Однако отсутствие подзаголовков усложняет навигацию. Содержание - глубокое, с опорой на первоисточники (Харт, Остин, Витгенштейн) и современные исследования. Примеры из судебной практики усиливают аргументацию.

Список литературы обширен и включает классические работы по философии языка (Витгенштейн, Остин), современные исследования по аналитической философии права

(Харт, Оглезнев), процессуальные кодексы и комментарии к ним. Автор косвенно полемизирует со сторонниками формально-догматического подхода, игнорирующего лингвистические аспекты права. Также вступает в заочную дискуссию с критиками «недескриптивных» понятий, отрицающих их значение для юридической практики. Однако, в тексте наряду с указанными полемиками не хватает, на взгляд рецензента, прямой дискуссии с теми исследователями, которые полагают речевые акты второстепенными для процессуального права.

Тем не менее, выводы автора о речевых актах (как ключевых инструментах формирования процессуальных фактов), судебной коммуникации) в разрезе строгого соблюдения контекста, искренности и формы), аудиопротоколах (в их критической роли в фиксации перформативных высказываний), - вызывают однозначный интерес читательской аудитории. Статья будет полезна ученым (юристам, философам) для углубления теорий права и языка, правопримениителю для совершенствования навыков судебной речи, а также студентам в качестве пособия по междисциплинарным исследованиям.

Вывод: статья представляет значительную научную и практическую ценность, открывая новые перспективы для изучения языка в праве и может быть рекомендована к опубликованию в избранном журнале.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования в рецензируемой статье является применение методов аналитической философии языка к анализу коммуникативных процессов, происходящих в рамках цивилистического процесса. Автор исследует, каким образом речевые акты участников судебного разбирательства приобретают статус процессуальных юридических фактов и формируют динамику судебного процесса. Особое внимание уделяется перформативным высказываниям и их роли в создании процессуальной реальности.

Методология исследования

Автор применяет междисциплинарный подход, сочетающий методы аналитической философии права, лингвистического анализа и юридической догматики. В качестве методологической основы используются концепции речевых актов Дж. Остина, Дж. Серля и правовая философия Г.Л.А. Харта, а также работы Л. Витгенштейна. Автор сам характеризует свою методологию как "интуитивно-научную", что указывает на определенную степень эвристического подхода. Исследование опирается на анализ нормативных актов (ГПК РФ, АПК РФ), протоколов судебных заседаний, а также теоретические конструкции философии языка.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами:

Растущим интересом к коммуникативной теории права и применению методов аналитической философии в юриспруденции.

Цифровизацией судопроизводства и новыми способами фиксации судебного процесса (аудиопротоколирование), которые расширяют возможности анализа речевых актов в судебном процессе.

Недостаточной теоретической разработкой связи между процессуальными юридическими фактами и речевыми актами в цивилистическом процессе.

Практической значимостью для судебных юристов понимания механизмов влияния речевых актов на ход судебного разбирательства.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в следующих аспектах:

Автор впервые применяет теорию речевых актов к анализу процессуальных юридических фактов в цивилистическом процессе, выявляя их коммуникативную природу.

Предлагается классификация речевых актов, используемых в гражданском и арбитражном процессе, с опорой на типологии Дж. Остина и Дж. Серля.

Автор анализирует специфические условия успешности перформативных высказываний в судебном процессе (контекст, искренность, власть/полномочия, неотменяемость).

Выявляется связь между дескриптивными и аскриптивными понятиями в праве (по классификации Г.Л.А. Харта) и их функционированием в цивилистическом процессе.

Обосновывается тезис о «вторичности» права по отношению к вариативности событий и показывается механизм трансформации потенциальной вариативности в судебную реальность через речевые акты.

Стиль, структура, содержание

Стиль статьи соответствует научному дискурсу, но отличается определенной метафоричностью и образностью, что оправдано междисциплинарным характером исследования. Автор использует как специальную юридическую терминологию, так и понятийный аппарат философии языка, обеспечивая их объяснение.

Структура работы в целом логична, хотя не всегда прослеживается четкая последовательность изложения. Статья начинается с обращения к принципам устности и письменности в цивилистическом процессе, далее вводятся понятия процессуальных юридических фактов, затем автор переходит к теории речевых актов и завершает анализом специфики перформативных высказываний в судебном процессе. Однако местами наблюдаются логические разрывы между разделами, затрудняющие восприятие общей концепции.

Содержание статьи демонстрирует глубокое понимание автором как философско-лингвистических концепций, так и процессуальных аспектов цивилистического процесса. Особенno ценной представляется часть о конкретных речевых формулах и их процессуальном значении ("Мы заявляем ходатайство о привлечении А в качестве ответчика", "Суд своим определением назначает экспертизу" и т.д.). Автор убедительно показывает, как эти формулы приобретают статус процессуальных юридических фактов и влияют на динамику процесса.

В то же время содержание работы могло бы выиграть от более подробного рассмотрения практических примеров, демонстрирующих, как конкретные речевые акты меняют ход судебного разбирательства.

Библиография

Библиография статьи достаточно репрезентативна и включает как классические труды по аналитической философии языка (Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Серль, Г.Л.А. Харт), так и современные работы российских правоведов. Диапазон источников охватывает период с 1958 по 2024 годы, что свидетельствует об актуальности исследования.

В списке литературы представлены монографии, диссертационные исследования, научные статьи, что указывает на разносторонний подход автора к изучению темы. Положительным моментом является наличие современных источников 2022-2024 годов, а также работ с присвоенными DOI и индексами EDN, что подтверждает их научную значимость.

Однако библиография могла бы быть дополнена более широким спектром зарубежных исследований последних лет по применению теории речевых актов в юридической практике.

Апелляция к оппонентам

Автор в некоторой степени учитывает возможные возражения и альтернативные точки зрения, что проявляется в обсуждении различных подходов к пониманию процессуальных юридических фактов (взгляды Е.В. Васьковского, Е.Г. Лукьянова, П.Ф. Елисейкина). Однако в целом полемический аспект в статье развит недостаточно.

Автор мог бы более четко сформулировать возможные возражения против применения теории речевых актов к анализу судебного процесса и предложить убедительные контраргументы. Например, не рассматривается критика перформативной теории со стороны других направлений философии права или возможные ограничения применения лингвистического анализа к правовым явлениям.

Кроме того, недостаточно внимания уделено соотношению предлагаемого подхода с другими теориями юридических фактов и процессуальных действий.

Выводы, интерес читательской аудитории

Статья представляет собой оригинальное междисциплинарное исследование, затрагивающее важные аспекты философии права и гражданского процесса. Автор предлагает интересный подход к анализу процессуальных действий через призму теории речевых актов, что позволяет по-новому взглянуть на природу процессуальных юридических фактов.

К достоинствам работы следует отнести:

Новаторское применение методов аналитической философии к анализу гражданского процесса

Убедительное обоснование коммуникативной природы процессуальных юридических фактов

Выявление особенностей перформативных высказываний в судебном процессе

Практическую направленность выводов, значимых для судебной практики

Основные недостатки исследования:

Некоторая размытость структуры и логики изложения

Недостаточное количество конкретных практических примеров

Слабая полемическая составляющая

Отсутствие четких практических рекомендаций по использованию выявленных закономерностей

Статья будет представлять интерес для широкой читательской аудитории, включающей:

Теоретиков права и философов, интересующихся проблемами аналитической философии права

Специалистов в области гражданского и арбитражного процесса

Практикующих юристов, стремящихся углубить понимание коммуникативных аспектов судебного процесса

Студентов юридических факультетов, изучающих философию права и гражданский процесс

В целом, несмотря на отмеченные недостатки, статья заслуживает публикации в журнале "Философия и культура" как оригинальное исследование, вносящее вклад в развитие коммуникативной теории права и аналитической юриспруденции в российском научном дискурсе.